

ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ СЧАСТЬЯ

□

Кэтрин Мэнсфилд. Рассказы. Москва, Гослитиздат, 1958.

□

Рассказы популярной английской писательницы Кэтрин Мэнсфилд не переиздавались у нас с 1926 года и стали библиографической редкостью. Поэтому выход в свет сборника произведений Мэнсфилд, среди которых многие публикуются на русском языке впервые, представляет для нашего читателя немалый интерес.

Изданию этого сборника предшествовало появление в 1957 году в Москве сборника рассказов Мэнсфилд на английском языке.

Творчество Мэнсфилд, которая справедливо считается одним из основоположников реалистической психологической новеллы в Англии, отражает важный этап в истории английской литературы начала XX века.

Мэнсфилд прошла большой и трудный путь исканий. Уже ранние ее произведения, вошедшие в первый сборник рассказов «В немецком пансионе» (1911), при явном влиянии натуралистической эстетики отличаются и некоторыми своеобразными чертами. Рассказ «Фрау Брехенмахер на свадьбе» воссоздает страшную картину убожества провинциальной жизни. В характере героини намечаются черты, присущие героям более поздних рассказов Мэнсфилд — внутренняя неудовлетворенность, сочетающаяся с беззащитностью, стремлением отгородиться от пошлости.

Еще более ощутимы эти черты в рассказе «Роды», где внимание сосредоточено на образе самодовольного эгоиста Андреаса Бигнера, любящегося своей мнимой утонченностью. Здесь уже явственно чувствуется неблагоприятное внешне благополучной жизни.

В период сотрудничества в журнале Миддлтона Мар-

ри «Ритм» (1911—1913) Мэнсфилд сблизилась с писателями-модернистами.

Однако, видя бедствия, которые несла людям война, Мэнсфилд все больше ощущает неудовлетворенность и психологическим экспериментаторством Джойса, и претенциозной вычурностью Вирджинии Вульф, и вульгарным биологизмом Лоуренса. Постепенно возрастает отвращение писательницы к декадентской болезненной извращенности и манерности стиля. К началу 20-х годов разрыв этот становится вполне осознанным. Она находит отвратительным нашумевший «Уллис» Джойса и сам метод «потока сознания» с его сумбурностью, пассивной регистрацией существенного и случайного. Она с негодованием отвергает «доктрину бессмыслия» Лоуренса — сведение человека к животному.

В сборнике «Счастье и другие рассказы» (1920), знаменующем наступление творческой зрелости, Мэнсфилд все больше преодолевает декадентские влияния. Не бесконтрольный мир темных инстинктов, а душевная красота страдающего, неудовлетворенного, а порой и робко протестующего человека становится главной темой ее рассказов. И хотя социальные истоки всех этих скрытых человеческих драм выявлены слабо, в лучших произведениях они вполне ощутимы. Но явно ощутима и внутренняя слабость, надломленность героев.

Элемент социальной оценки усиливается в рассказе «День мистера Реджинальда Пикока». Здесь неспособность самовлюбленного пошлого героя выразить свои чувства воспринимается уже не как трагедия, а даже не «болезнь века», а как следствие духовной истощенности, умственной неполноценности «интеллигентного» холлопа, протитирующего искусство.

Страстная любовь к жизни и к человеку — это то существенно новое, что знаменовало наступление творческой зрелости писатель-

ницы. Лучшие, самые честные и чуткие герои Мэнсфилд жизнерадостны, они любят природу, детей, естественны и просты в своих словах и поступках, им чужды фальшь, душевная черствость, позерство.

Не случайно Мэнсфилд вновь и вновь обращается к детской теме. Светлый мир детства, мир цельности и непосредственной жизнерадостности противостоит усложненному, полному условностей миру взрослых. С удивительным мастерством раскрывает Мэнсфилд этот мир детских игр, фантазий, первых огорчений («Солнце и луна»).

Положительными героями рассказов являются люди из народа. Их искалеченные судьбы — яркое свидетельство несостоятельности буржуазного мира. Они способны к любви, самопожертвованию («Служанка своей госпожи»), полны желания понять других, чувствовать себя частицей человеческого братства («Мисс Брилл»).

Мэнсфилд обличает тех, кто равнодушно проходит мимо человеческого горя. Равнодушие ощущается в показном сочувствии модного литератора к страждущим («Жизнь матушки Паркер»), в неуместной назойливой благотворительности миссис Шеридан («Пикник»), в минутном капризе избалованной Розабелл («Чашка чая»). Негде выплакать свое горе одинокому, обездоленному человеку — героине рассказа «Жизнь матушки Паркер». Это английский вариант чеховского рассказа «Тоска», который Мэнсфилд считала одним из мировых шедевров.

Фальшь, условность всего того, что является общепринятым, и необходимость скрывать все лучшее и истинное — эта чеховская тема с большой психологической достоверностью раскрыта в рассказе под ироническим названием «Идеальная семья».

В творчестве Мэнсфилд все более преодолеваются черты фрагментарности, импрессионистической разор-

ванности, присущие новелле модернистов. Вместе с тем строение ее рассказов ничего общего не имеет с традиционной «plot-story» — романтической приключенческой новеллой с захватывающей интригой. Писательница изображает внутренние, скрытые драмы, тающиеся за мнимым благополучием традиционного буржуазного быта.

И тут мы подошли к вопросу, имеющему особенный интерес для русского читателя, — об отношении Мэнсфилд к русской литературе, о плодотворном влиянии на ее художественное развитие русских писателей: Тургенева, Достоевского, Толстого и особенно Чехова. Чехова она не переставала изучать на протяжении всей своей жизни. Произведения Чехова помогли ей преодолевать декадентские влияния. Говорить о художественном методе писательницы, не обращаясь к Чехову, просто невозможно.

Объективность писателя Мэнсфилд понимает не в духе модернистов — как пассивную регистрацию всех нюансов «потока сознания», а по-чеховски — как правдивое воспроизведение жизни, предполагающее отбор фактов и их оценку. Многие рассказы строятся как небольшие драматические сценки, авторские описания сводятся к ремаркам. Герои «самораскрываются». Однако роль внутреннего монолога Мэнсфилд принципиально отличается от его роли в модернистской литерату-

ре. Внутренний монолог служит у Мэнсфилд не выявлению подспудных «комплексов» или хаоса субъективных ассоциаций, он выявляет неудовлетворенность тщетно рвущихся к счастью героев или служит разоблачению духовного убожества их преуспевающих антагонистов. Описания «от автора» всегда «в тоне» героя: лексика, интонации, весь строй речи меняются в зависимости от характера героя; коварная речь незаметно переходит в прямую. Автор в повествование не вмешивается. События, люди изображаются с точки зрения воспринимающего их героя.

Чеховская любовь к человеку и боль за загубленные жизни, чеховская нетерпимость к пошлости и умение видеть ее за благополучным фасадом респектабельности — определяют композицию и стиль рассказов Мэнсфилд. Правда, Мэнсфилд не рисует духовной эволюции человека, его меняющегося отношения к жизни, как Чехов. Внутренний мир ее персонажей стабилен, неизменен. Но они не перестают мечтать, к чему-то стремиться, внутренне сопротивляться пошлости. «Человек создан для счастья» — эта чеховская мысль незримо присутствует в каждом рассказе.

Демократическое искусство Чехова помогло выявлению лучших сторон таланта Мэнсфилд. Однако мир героев Мэнсфилд бесконечно беднее, однообразнее, менее динамичен, чем

чеховский. Герои ее тонко чувствуют, но почти не размышляют. Они не способны к постановке больших социально-философских проблем. Отсюда камерность ее рассказов, преобладание лирического начала над проблемным. В этом смысле она далека от Чехова.

В сборнике рассказов Мэнсфилд на русском языке удачно подобран материал, включено все наиболее характерное для разных этапов ее творчества.

Досаду вызывает тот факт, что произведения не датируются и даже не указывается их принадлежность к соответствующему сборнику. В этом смысле сборник на английском языке составлен лучше. Отчасти этот недостаток компенсируется вступительной статьей М. Шерешевской. Чувство неудовлетворенности оставляет, однако, недостаточное внимание автора предисловия к выяснению особенностей художественной манеры писательницы.

Нельзя не отметить мастерства переводов. Наряду с вышедшими в новой редакции переводами П. Охрименко, в основном удачны переводы М. Шерешевской, И. Линецкого, Б. Томашевского, Н. Рахмановой (редакция Э. Линецкой). Они тонко воссоздают особенности стиля Мэнсфилд — лирическую взволнованность, задушевность интонаций, неповторимую прелесть описаний природы.

3. Маянц